

ХРОНИКА ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭНА
КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Созданный около 1210 г. труд Жоффруа де Виллардуэна «Завоевание Константинополя» наряду с одноименным произведением пикардийского рыцаря Робера де Клари* – первоклассный источник фактических сведений о скандально знаменитом в средневековой истории Четвертом Крестовом походе 1198–1204 гг. Как известно, поход этот закончился разбойничьим захватом рыцарями-крестоносцами столицы христианской Византии в 1203–1204 гг., после чего произошли бурные потрясения на Балканах и в Малой Азии, ознаменовавшие образование государств западных завоевателей на византийской территории – Латинской империи и подвассальных ей княжеств. Пожалуй, никто из хронистов-современников, будь то французы или англичане, венецианцы или генуэзцы, немцы или фламандцы, греки или русские, словом, никто из историков и мемуаристов, которые так или иначе писали о событиях, приведших к гибели Греческого царства, не сохранил столь обильного и полноценного с точки зрения его детализированности и обстоятельности фактического материала относительно реально происходивших перипетий грандиозной по тем временам «международ-

* См.: *Робер де Клари. Завоевание Константинополя*/пер., ст. и коммент. М. А. Заборова. М., 1985.

ной» рыцарской авантюры и ее ближайших последствий для стран Балканского полуострова, как Жоффруа де Виллардуэн.

Вместе с тем хроника-мемуары «маршала Шампани и Романии» — замечательный памятник французской исторической мысли. То был период роста и укрепления феодального строя на Западе, отмеченный постепенным преодолением политической раздробленности и первыми, подчас еще непрочными и нелегко пробивавшими себе дорогу успехами королевской власти. Успехи эти опирались на поддержку объединительных усилий центра основным слоем поднимавшегося феодального класса — мелким и средним рыцарством, а также населением возвышавшихся городов. Тогда-то, на рубеже XII—XIII вв., и во Франции, являвшейся типичной страной феодализма, явственно обозначился перелом в социально-политической структуре общества: оно вступило в фазу формирования феодальной государственности нового образца — в фазу постепенного территориального сплочения и политической консолидации. Указанный процесс принял четкие очертания при Филиппе II Августе (1180—1223), на чье правление приходится и Четвертый Крестовый поход — предприятие по составу своих участников и руководителей преимущественно французское (хотя и не только французское) и по-своему запечатлевшее противоречивые тенденции, характерные для жизни страны на рассматриваемой ступени ее развития.

В отличие от времени Третьего Крестового похода (1189—1192 гг.), возглавлявшегося тремя западными государями, сам Филипп II Август стоял теперь в стороне от очередной крестоносной затеи папства в лице Иннокентия III (1198—1216), попытавшегося вновь двинуть рыцарскую рать Европы на освобождение Гроба Господня в Иерусалиме: всецело поглощенный внутренними делами, король Франции не принимал непосредственного участия в Четвертом Крестовом походе. Эти дела оказались связанными с острыми столкновениями феодальных сил в Западной Европе, прежде всего с борьбой Капетингской короны против английских государей из династии Плантагенетов (Ричарда I Львиное Сердце — до 1199 г., а после

его смерти – Иоанна Безземельного) – главных соперников молодого короля, удерживавших немало земельных владений во Франции. С Плантагенетами смыкалась и часть крупных сеньоров страны (граф Фландрский и др.), стремившихся помешать ее консолидации над властью Филиппа II. Союзниками Плантагенетов на континенте была, кроме того, внушительная группировка северогерманских князей – так называемая партия Вельфов во главе с королем Оттоном IV, племянником (по материнской линии) Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. Названные конфликты (а они втянули в свою орбиту немало непокорных французскому королю крупных вассалов – впоследствии все эти сеньоры отправятся в Крестовый поход!) осложнились дипломатическим вмешательством – в пользу англо-вельфской коалиции – «апостольского престола», универсалистско-теократической политике которого противоречил объединительно-централизаторский курс Филиппа II Августа. Его отношения с Иннокентием III в конце XII – начале XIII в. были поэтому в основном натянутыми, хотя периоды напряженности сменялись порой периодами ее ослабления. А поскольку провозглашенный папой Четвертый Крестовый поход изначально был задуман и развертывался в фарватере этой универсалистско-теократической политики, являясь ее составной частью, постольку и это обстоятельство также побуждало королевскую власть во Франции воздерживаться по крайней мере от прямого участия в папском предприятии. Правда, Филипп II связывал с ним собственные миродержавные планы, но они оставались скрытыми почти от всех сеньоров, которые вступили в 1199–1202 гг. на «стезю Господню».

В такой ситуации должна была особенно рельефно обнаружиться и действительно обнаружилась подлинная социально-классовая суть новой крестоносной экспедиции как акта феодальной экспансии. Не случайно во Франции ее вдохновляли и направляли не в последнюю очередь явные и тайные противники короны (из числа крупных вассалов короля, не так давно выступавших на стороне англо-вельфской партии). Эта экспансия призвана была содействовать упрочению их собственного могущества – успех сулил приобретение новых земель

и богатств. Крестовому походу споспешествовали отчасти и те феодальные элементы, которые вынуждены были склоняться к поддержке крепнувшей королевской власти и на практике даже способствовать претворению в жизнь тщательно завуалированных, но тем не менее далеко шедших политических замыслов Филиппа II Августа. К числу таких «тайных агентов» короны, быть может, невольно относился и Жоффруа де Виллардуэн, который, по крайней мере в начальной стадии Крестового похода, приложил определенные старания к тому, чтобы поставить во главе крестоносцев противника англо-вельфской коалиции – маркиза Бонифация Монферратского, родственника Филиппа II Августа и его союзника в Германии (Филиппа Гогенштауфена)*.

Все эти противоречивые тенденции реальной действительности, своеобразно преломлявшиеся в мире идей и представлений, в умонастроениях феодальной среды, в политическом мышлении сеньориальных кругов, наложили несомненный отпечаток и на записки Жоффруа де Виллардуэна, на концептуальные установки их автора.

Достоинства его хроники как исторического труда определяются главным образом четкостью и значительной точностью в передаче событий Четвертого Крестового похода, фактографической добротностью, логической и пусть в меньшей степени, но все же хронологической упорядоченностью повествования. В этом плане мемуары маршала Шампанского сильно разнятся от воспоминаний Робера де Клари, зачастую смешивающего быль с небелью, громоздящего домыслы, увлекающегося третьестепенными деталями, хотя иной раз и важными для воссоздания колорита всей картины Крестового похода, но, в принципе, не всегда столь уж существенными и т. д. Жоффруа де Виллардуэну вовсе чужды фантазии пылкого пикардийца, да ему и не требовалось подменять реальные события вымышленными, искусственно придавать занимательность рассказу, включая в него – для казуальной связности – «интригующие»

* См. подробно: *Заборов М. А.* К вопросу о предыстории Четвертого Крестового похода // *Византийский временник.* М., 1953. Т. VI.

эпизоды давней истории государств крестоносцев и Византии, почерпнутые в расхожей молве, и т. д. Маршал Шампанский, не в пример Роберу де Клари, совершенно не нуждался в том, чтобы компенсировать недостаток или отсутствие конкретных данных игрой воображения, ибо, находясь в центре важнейших событий, политики и дипломатии крестоносцев, он был превосходно осведомлен не только о том, что происходило «на поверхности», но и о потаенных пружинах, обуславливавших крутые повороты в судьбах Крестового похода, неотвратимо толкавших его в сторону Константинополя. Судя по всему, Жоффруа де Виллардуэн имел в своем распоряжении, помимо того, что задержалось в его памяти или было зафиксировано в дававшихся им путевых заметках, и какие-то документы и официальные акты: во всяком случае, страницы, где он излагает, например, содержание некоторых договорных грамот (франко-венецианская сделка о фрахте флота в 1201 г., договор крестоносцев с византийским царевичем Алексеем в 1203 г., мартовский договор 1204 г. между французами и венецианцами о разделе империи), вполне адекватно раскрывают подлинное содержание этих грамот, а местами даже воспроизводят их текст. Точно так же тон и стиль посольских речей, приводимых хронистом и выдержанных в манере, несколько отличной от остального повествования, где автор говорит от своего лица, позволяют думать, что он располагал копиями писем, нередко дублировавших выступления послов. Поразительно верны и детально документально подтверждаемые хронологические выкладки мемуариста, обычно скрупулезнейшим образом следующего за событиями и лишь иногда группирующего эпизоды, которые относятся к одному и тому же событийному ряду (кое-где упоминаются факты, скажем, имевшие место в более позднее время, хронологически выпадающие из рассматриваемого сюжета, но в конечном итоге касающиеся этого же тематического ряда)*. В указанном смысле записки Жоффруа де

* Так, хронист сообщает о смерти Алексея IV тотчас после упоминания о его отравлении Морчүфлем (Алексей V) (§ 223), хотя между этими событиями происходили другие, о которых речь пойдет, однако,

Виллардуэна также не идут ни в какое сравнение с мемуарами Робера де Клари, хронологический остов которых нередко приближителен и очень неполон.

Тем не менее, несмотря на фактологические достоинства, еще с XVI–XVII вв. превратившие записки Жоффруа де Виллардуэна едва ли не в основной источник знаний о Четвертом Крестовом походе, все же его хроника, подобно мемуарам Робера де Клари, интересна не столько в чисто «фактурном» отношении, сколько в первую очередь в концептуальном аспекте. Ее ценность в огромной степени обуславливается своеобразным авторским видением и, что особенно важно в интересующей нас связи, авторским освещением событий, активным и значимым участником которых Жоффруа де Виллардуэн являлся, его суждениями об этих событиях, преподносимыми им, в отличие от Робера де Клари, со всей определенностью и категоричностью — в форме собственных, притом весьма красноречиво сформулированных, умозаключений. Как и мемуары Робера де Клари, «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна — исторический труд, написанный светским человеком, но не мелким рыцарем, а феодальным сеньором средней руки, достигшим положения высокопоставленного сановника графов Шампани, а после создания Латинской империи — и носителя высокого титула маршала Романии. Иными словами, по своему социальному облику автор — и это в известном смысле сближает его с пикардийским хронистом — составляет исключение в ряду других латинских писателей, рассказывавших о Четвертом Крестовом походе со слов очевидцев. Большинство то были представители образованного «сословия» — духовенства. Жоффруа де Виллардуэн, как и Робер де Клари, повторяем, — мирянин. При этом, однако, его «Завоевание Константинополя» по своей концептуальной схеме и «программе», в особенности же

лишь далее. Другой пример группировки фактов: Жоффруа де Виллардуэн рассказывает в одном и том же месте, как Алексей III, попавший в плен к латинянам, был отправлен на Запад Бонифацием Монферратским (§ 309), хотя в действительности между пленением и отправкой экс-императора в Италию случились различные «промежуточные» события, повествование о которых пойдет позднее (§ 331–332) и т. п.

по своей политической направленности в целом, противостоит мемуарам Робера де Клари. Тот был простым рыцарем и в своем повествовании отразил чаяния и настроения массы рядовых крестоносцев. Напротив, Жоффруа де Виллардуэн входил в элиту крестоносного воинства, в число выдающихся по своему положению *actores regum* крестоносного предприятия, «задействованным» во всех или почти во всех сколько-нибудь важных дипломатических и боевых акциях «воинства Божьего». Версия событий, выдвинутая в его произведении, продиктована была, как увидим, достаточно ясно осознававшимся самим автором и не угаивавшим своих намерений и от читателя стремлением изобразить в максимально благоприятном свете деяния предводителей этого воинства, включая их наиболее неблагоприятные поступки.

Можно сказать, что хроника маршала Шампанского — один из ранних примеров политической тенденциозности, искусно проводимой в чисто событийном, казалось бы, повествовании средневекового автора. И в целом, и в деталях все оно последовательно подчинено главной цели — всемерного оправдания перед лицом истории тех далеко не достославных «подвигов», которые совершили в христианских землях и против их христианских же жителей несостоявшиеся «освободители Гроба Господня». Он воссоздал историю завоевательного предприятия, руководимого феодальной знатью и венецианской купеческой олигархией, под углом зрения людей своего круга, представителей владетельных и служилых сеньоров, связанных с феодальными верхами, менее всего озабоченных необходимостью решения официально прокламировавшихся религиозных задач, но побуждаемых в первую голову вполне «реалистичными», корыстными мотивами политического, в частности престижного, свойства (а также, если говорить о венецианцах, надеждами на экономические выгоды, которые сулила заморская экспедиция в случае ее успеха).

Неудивительно, что и по стилю преподнесения, равно как и самого отбора фактов, Жоффруа де Виллардуэн существенно расходится с Робером де Клари. Историк-сеньору, к тому же вступившему в шестой десяток своей жизни и достаточно

умудренному опыту политической деятельности, не к лицу были (да это и не согласовывалось бы с принципиальными «целевыми» установками его повествования) восторженность и непосредственность излияния чувств при передаче материала — черты, столь характерные для впечатлительного пикардийского рыцаря, впервые вырвавшегося из своего захолустья в «большой мир» и высказывавшего безмерную любознательность ко всему, что там ему повстречалось. Жоффруа де Виллардуэн сдержан в повествовании, хотя временами и впадает в выспренно-сентиментальную риторику. Его не интересуют житейские, бытовые подробности событий, о которых он рассказывает. Маршал Шампанский почти везде остается в рамках прозаически-делового изложения всего того, прямым участником, очевидцем чего ему пришлось быть или о чем он узнавал от других свидетелей Крестового похода. Он отбрасывает прочь эпизоды, представляющиеся в его глазах незначительными, пренебрегает живописными деталями, с упоением неопита воспроизводимыми Робером де Клари.

Одни и те же сюжеты оба мемуариста раскрывают в совершенно различной манере — это происходит не только потому, что информация, которой располагал каждый из них, была разной по объему и «качеству»: маршал Шампанский хорошо знал, о чем судил-рядил тот или другой совет сеньоров-предводителей (ведь сам он присутствовал «на всех советах» — § 120), и был не слишком осведомлен о том, как трактовали их решения рядовые крестоносцы, тогда как у Робера де Клари все обстояло наоборот. Различия объясняются главным образом другим: социально «запрограммированная» направленность видения обоими авторами событий, совершавшихся у них на глазах, культурный и политический кругозор хронистов и, что наиболее важно, целеположенность подхода к материалу были у них весьма неодинаковыми. Один был рупором «общественного мнения» *meue peuple*, другой, маршал Шампанский, выражал устремления, взгляды и чаяния *les haut homes*. Герои одного — воины-авантюристы из рыцарских низов, герои другого — маркиз Бонифаций Монферратский, дож Энрико Дандоло, графы и герцоги, доблести и заслуги которых он — там, где они

представляются ему достойными, — воспевает и увековечивает. Разный подход, разное понимание событий — отсюда расхождения в их интерпретации при наличии и общих элементов ее, заключающихся в конечном счете в апологетизированном, панегирическом освещении постыдных даже с официально-католической точки зрения рыцарских «деяний».

Жоффруа де Виллардуэн — историк преимущественно, если не исключительно, рационалистично-политического склада мышления, и в этом его коренное отличие от склонного давать волю фантазии и восхищаться «чудесами», простецки наивного Робера де Клари. О чем бы ни заходила речь у того и другого, как воплощение средневекового историзма, оба предстают перед нами в достаточно разном обличье. Огромный флот крестоносцев? Робер де Клари с неподдельным воодушевлением говорит о знаменах и флажках рыцарей, развевавшихся на башнях нефов при отплытии эскадры к Задару, его приводят в восторг мощные звуки сотни пар серебряных и медных труб, сопровождавшие выступление кораблей из Венеции (гл. XIII)... Жоффруа де Виллардуэн если и выказывает восхищение зрелищем отплытия большого флота, украшенного флажками, то оно занимает его разве что в плане оценки перспектив грядущей победы крестоносцев, predeterminedной могуществом этой великолепной эскадры, на которой одних боевых метательных орудий и таранов имелось свыше трехсот (§ 76). Подготовка крестоносцев к боевым встречам, маневры по сближению с противником? Робер де Клари, находившийся в гуще воинов, подробно распространяется о том, как располагались различные отряды, в какой последовательности наступали конница и пехота, к каким необычным приемам «устрашения» врага прибегали крестоносцы, мобилизуя и вооружая кухонной утварью воинскую прислугу и пр. (гл. XLV, XLVII). Жоффруа де Виллардуэн напрочь опускает все подобного рода детали, тем паче явные вымыслы, довольствуясь лишь перечислением предводителей их или иных отрядов или сведениями о решающих эпизодах битвы, от которых зависел ее исход (§ 148–153, 161, 167 и др.). Город Константинополь? Робер де Клари ослеплен его «чудесами» и без устали выражает свое

восхищение громадностью и великолепием императорских дворцов (гл. LXXXII), редкостными реликвиями, во множестве найденными в церквах (гл. LXXXII–LXXXIII), богатствами храма Св. Софии (гл. LXXXV), роскошью и прихотливостью архитектуры византийской столицы (статуи над воротами и проч. – гл. LXXXIII–LXXXIX), ее ипподромом (гл. XC) и т. д. Жоффруа де Виллардуэн довольствуется несколькими беглыми штрихами, чтобы отметить богатства Константинополя и подчеркнуть его могущество (§ 128); точно так же ему представляется достаточным лишь в немногих словах охарактеризовать колоссальную добычу, размеры и ценность которой сами по себе говорят о масштабах завоевания и о том, что такая добыча не могла не подвергнуться испытанию «бескорыстие» крестоносцев (§ 249–254). Коронация Бодуэна² Робер де Клари описывает ее пышный ритуал во всех экзотичных подробностях – от облачения в императорские одежды до торжественной трапезы во дворце Вуколеон (гл. XCVI–XCVII). Жоффруа де Виллардуэна привлекает одна только политическая сторона избрания первого латинского императора, исключительно ей он и уделяет внимание (§ 256–258).

Перед нами отчетливо вырисовывается система восприятия и преподнесения исторических событий историком-политиком, более того, вырисовывается в целом менталитет крупного феодала из среды тех, кто по призыву Иннокентия III ринулся на Восток завоевывать себе под знаменем религии поместья и сокровища и кто, в конце концов, захватил и разграбил византийскую столицу.

Познакомимся же теперь ближе с личностью и творчеством хрониста, чтобы затем подробнее рассмотреть идейное содержание и политические тенденции его труда; это в свою очередь позволит выяснить и его собственно историческую ценность, и его специфику как произведения светского французского историка, отражавшего настроения и взгляды представителей высших кругов феодального общества, которые сыграли определяющую роль в судьбах участников Четвертого Крестового похода.

ДУХОВНЫЙ МИР И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ВОЗЗРЕНИЯ ХРОНИСТА

ИСТОРИК И РЫЦАРСКИЙ ЭПОС

Если мы более или менее обстоятельно осведомлены хотя бы о важнейших вехах биографии Жоффруа де Виллардуэна, точнее, о ее событийной канве, то этого нельзя сказать в такой же мере относительно внутреннего мира хрониста, общекультурного кругозора и духовного облика его личности в целом. Все материалы, которыми располагает историк, приходится черпать исключительно в самом «Завоевании Константинополя». Точно так же лишь на основе произведения «маршала Романии и Шампани» можно составить по крайней мере приблизительное представление о современных ему литературных образцах, влияние которых, пусть опосредованное, он, будучи сравнительно образованным человеком (в отличие от полуграмотного Робера де Клари), все же, вероятно, испытывал, когда «вручал пергаменту» собственную версию только что прошедших на всю Европу событий, диктуя свой рассказ писцу, заносившему на скрижали истории его устное повествование. Правда, мы не в состоянии с полной достоверностью судить о литературном контексте труда Жоффруа де Виллардуэна. На этот счет строились и строятся только гипотезы, высказывались и высказываются только более или менее обоснованные догадки, подкрепляемые данными, которые удается извлечь опять-таки из хроники.

Опираясь именно на них, кое-кто из новейших западных медиевистов, в частности американская исследовательница Джаннет Бир и английский ученый Колин Моррис, изображали Жоффруа де Виллардуэна «эпическим историком», списывая на «эпичность» многочисленные погрешности его произведения против фактов. Основу такой концепции составляет прежде всего стилистический анализ записок маршала Шампанского. Действительно, в манере преподнесения описываемых им событий нетрудно подметить черты, свидетельствующие о прямом и косвенном воздействии, которое оказывали на его стиль

(как и на стиль Робера де Клари) повествовательные приемы, присущие рыцарскому эпосу, — песням о подвигах (*chansons de geste*), героическим сказаниям и романам, пользовавшимся популярностью в феодальной среде. Сплошь и рядом у хрониста встречаются лексические обороты, типичные для эпоса Северной Франции конца XII — начала XIII в. Он часто употребляет, например, явно идущие от устной речи одни и те же застывшие словесные «формулы», которые либо напоминают аудитории о чем-то, уже изложенном ранее, либо предуведомляют ее о событиях, которым предстоит быть рассказанными в ходе дальнейшего повествования, «как я вам сказал», но не «как я написал»!^{*}

Постоянно применяет хронист стереотипные обороты, когда подводит «итог» изложению какой-то группы событий («таким-то образом, как вы слышали, дож принял крест» — § 69; «так они отплыли из гавани Венеции, о чем вы [только что] слышали» — § 76; «вот таким образом, как вы слышали, была поделена константинопольская добыча» — § 255 и т. п.; ср. § 334, 414)^{**}. Среди приемов авторского повествования мы находим и распространенные в рыцарском эпосе переходные «мостики», связывающие разные, хотя и смежные, сюжеты, о которых идет речь в рассказе (§ 229: «Больше мы вам [пока] ничего не скажем о тех, кто оставался в Константинополе, а поведаем вам о тех, кто отправился в другие гавани»)^{***}. Нередко автор записок прямо обращается к своим слушателям: «А теперь послушайте-ка об одном из самых величайших чудес» — § 70; «И тщетно стали бы вы вопрошать, есть ли какой-нибудь город более прекрасный...» — § 77; «Так вот, сеньоры, знайте, что если бы...» — § 104 и пр. Из аналогичного расхожего в устном творчестве той поры словарного запаса заимствованы отдельные излюбленные Жоффруа де Виллардуэном словечки — «измена» или «предательство» — в смысле несоблюдения или открытого нарушения вассальных

^{*} Beer J. Villehardouin, Epic Historian. Geneve, 1968. P. 34.

^{**} Ibid. P. 39.

^{***} Ibid. P. 40.

обязательств (§ 214)*, удвоения одинаковых по значению понятий («опочил и преставился»), использование идентичных выражений в характеристике сходных ситуаций** и многое другое в этом же роде.

В самих описаниях тех или иных реалий антуража Крестового похода, тех или иных впечатлений, которые испытывали его участники, включая самого хрониста, нередко также заметны стилевые следы эпоса с его «былинной», расплывчато-обобщенной и стереотипной картинностью. Именно в такой «былинно»-схематичной, традиционной для эпоса манере нарисована панорама Константинополя, который впервые предстал во всем своем величии очам «пилигримов», находившихся «на нефях, галерах и юиссье» в июне 1203 г.: они «и вообразить не могли, что где-либо на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены и эти богатые [могучие] башни, которыми он весь был обнесен вокруг, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, если бы не видел своими глазами...» (§ 128).

Та же шаблонная схема воспроизводится хронистом, притом в таких же словах, и там, где он передает впечатления рыцарей, рассматривавших город уже не издалека, с расстояния в три лье, как это было в первом случае, а непосредственно побывавших в византийской столице после водворения на престоле Исаака II Ангела (18 июля 1203 г.): «Вы можете узнать, что многие из войска [пилигримов] отправлялись повидать Константинополь и [посмотреть на] богатые дворцы, и высокие церкви, которых там было так много, и великие богатства, такие, которых никогда вообще не было в каком-либо городе» (§ 192). Жоффруа де Виллардуэн употребляет стертые, пригодные к применению во всякой аналогичной ситуации эпитеты и во многих других описаниях сходного типа: «высокими стенами и высокими башнями» укреплен далматинский Задар («и тщет-

* Ibid. P. 44.

** См. подробнее: *Dufournet J. Les ecrivains de la IVe croisade. Villehardouin et Clari. P., 1973. P. 247–258.*

но стали бы вы вопрошать, есть ли какой-нибудь город более прекрасный, или более укрепленный, или более богатый» — § 77); «сильнейшими» и «богатыми» крепостями рисуются балканские города, захваченные крестоносцами уже после взятия Константинополя, — Христополь (§ 280), Ла Бланш («весьма сильная и богатая» — § 280), Серры («это был укрепленный и богатый город» — там же), Салоники (один «из самых лучших и самых богатых в христианском мире» — там же), приморские города Коринф и Навплия, отдавшиеся под власть византийского феодального магната Льва Сгура (города, «самые могущественные под небесами» — § 301) и т. д.

Влияние такого рода и других традиций рыцарского эпоса, прослеживаемое в хронике Жоффруа де Виллардуэна, неудивительно. Ведь будущий историк Четвертого Крестового похода провел свою молодость и зрелые годы при дворе графа Анри Щедрого (1127–1181) и его преемников, причем почти 15 лет (с перерывом) находился в ближайшем окружении графини-регентши Марии Шампанской, покровительницы труверов, сказителей, романистов. Ее двор являлся своеобразным центром литературного творчества*. К тому же дочь Алиеноры Аквитанской в противоположность своему ученому супругу графу Анри Щедрому, светски и богословски образованному человеку, владевшему латынью и чтившему античных авторов, отдавала бесспорное предпочтение литературе на родном языке. Мария Шампанская, привившая шампанскому двору поэтические вкусы пуатевинского и английского дворов, как известно, вдохновила выдающегося поэта-романиста Кретьена де Труа на создание снискавшего ему славу романа о Ланселоте. Ей посвятили свои произведения видные представители эпической поэзии Гас Брюле и Готье Аррасский**.

* Histoire de la Champagne, Publiee sous la direction de M. Grubellier, 1975. P. 132; *Dufournet J.* Op. cit. P. 40.

** Ibid.; см. также: *Lejeune R.* La femme dans les litteratures francaises et occitane du XIe au XIIIe siecles//Cahiers des civilisations medievals. 1977. № 2–3. P. 206.

Находясь в таком изысканном литературном окружении*, маршал Шампанский имел, конечно, все возможности для того, чтобы хорошо узнать творения певцов, вымышленных их фантазией рыцарских деяний и усвоить определенные черты их стиля. Установлено, во всяком случае, что с *chansons de geste* Жоффруа де Виллардуэн был знаком, несомненно, в большей степени, чем с современной ему латинской литературой, которая являлась доменом преимущественно писателей-клириков**. Не случайно его хроника начисто лишена каких-либо черт агиографичности: в повествовании мемуариста полностью отсутствуют «священные небылицы», в нем не упоминаются «чудеса» святых Георгия и Маврикия, не говорится об их «реальном» участии в битвах и т. п. «фактах», случившихся обычными аксессуарами и латинской хронографии, и рыцарского эпоса Крестовых походов, который складывается в XII в.

С другой стороны, однако, само поэтическое мышление, само образное восприятие мира сказителями, пользовавшимися таким признанием при дворе графов Шампанских, не оказали, по сути, никакого влияния на хрониста. Его не воодушевляли куртуазные принципы ни Кретьена де Труа, ни тем более трубадуров (таких, как Рамбаут де Вакейрас, Гаусельм Файдит, Эльяс Кайрель де Марей), которым покровительствовал маркиз Бонифаций Монферратский***, с кем будущий историк Крестового похода находился в весьма добрых отношениях. Жоффруа де Виллардуэн служил в молодые годы своему графу-философу Анри Щедрому, которого высоко ценил и к окружению которого также принадлежали мужи и сведущие в богословии, и сопричастные светской образованности. Таковы бывший секретарь аббата Бернара Клервоского — Николя де Монтъерамей, выполнявший затем эту должность при графе Шампани; знаменитый эрудит своего времени, «теоретик» хронографии Иоанн Солсберийский, трактовавший историю как

* Ср.: Михайлов А. Д. Молодые годы Кретьена/Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 438–439.

** Beer J. Op. cit. P. 5.

*** Dufournet J. Op. cit. P. 45, 47.

сферу чисто человеческих дел и событий, в которой Бог не играет решающей роли*. Возможно, что именно близость к Анри Щедрому и окружавшим его интеллектуалам послужила одним из факторов (согласно гипотезе Ж. Дюфурнэ), способствовавших дистанцированию Жоффруа де Виллардуэна от образного мировосприятия, свойственного представителям куртуазной поэзии**, пусть какие-то формальные элементы их творчества и не прошли для него вовсе бесследно.

Показательно в этом отношении, например, что все неведомое, экзотичное, с чем сталкивались крестоносцы на своем пути, он передает в выражениях, близких к тем, которые употреблял и для описания повседневной реальности. Так, будучи немало изумлен, как и остальные сеньоры-крестоносцы, громадностью Константинополя, Жоффруа де Виллардуэн деловито приравнивает величину кварталов, сгоревших во время третьего пожара города, к размерам трех взятых вместе больших городов «королевства Франции» (§ 247)***. Он вообще равнодушен к ходячим образам, наполняющим, к примеру, рифмованные хроники; мемуарист не прибегает к нагромождениям необычных слов, чтобы воспроизвести «местный колорит», как поступает, скажем, Вас, автор «Романа о Бруте»****. Когда Жоффруа де Виллардуэн характеризует флот, на котором крестоносцы отбыли в октябре 1202 г. из Венеции, то эта картина с точки зрения ее выразительности оказывается довольно блеклой и, во всяком случае, явно уступает тем, в которых раскрываются аналогичные сюжеты у Васа*****. Жоффруа де Виллардуэн удивительно скуп в выборе слов, но это и понятно: ведь он не поэт и не романист, ему не надо было перерабатывать и «оживлять» свои источники — он сам выступал очевидцем рассказываемого. Хронист, наверное, мог бы, если бы захотел,

* *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 166–167.

** *Dufournet J.* Op. cit. P. 41.

*** *Beer J.* Op. cit. P. 11.

**** Ср.: *Wolledge B.* Notes on Wace's Vocabulary//The Modern Language Review. 1951. Vol. XLVI. P. 16–30.

***** *Beer J.* Op. cit. P. 11.

включить в текст принятые и авторами художественных произведений того времени «общие места», тем не менее он их избегает, проявляя сдержанность, которая, по излишне суровой оценке Дж. Бир, подчас граничит — в расплывчатых, порой до схематизма, описаниях — с бессодержательностью*.

Наряду с эпическим в повествовании хрониста заметно влияние и определенных элементов другого нарративного жанра — волшебных сказок. «А теперь послушайте-ка об одном из величайших чудес» — так начинается рассказ о предыстории бегства царевича Алексея из Константинополя в Италию, о дворцовом перевороте 1195 г., об ослеплении Исаака II его братом Алексеем III и пр. (§ 70). Подобный зачин свойствен именно сказкам, где действуют чудесники и чудесницы. То же относится и к хронологической неопределенности, проступающей в отдельных местах повествования, к примеру, в следующем затем продолжении того же рассказа: «В это самое время был в Константинополе император по имени Сюрсак» и т. д. В какое «это самое время»? Ведь здесь говорится не о том времени, событий которого Жоффруа де Виллардуэн был участником и свидетелем, а о более раннем! Перед нами типичная «размытая» формула стиля устного сказочного фольклора. Хронист применяет ее здесь, вероятно, и потому, что не знает точных дат излагаемых фактов, и, возможно, желая избежать педантичного воспроизведения деталей, способных замедлить его динамичный рассказ. «В это самое время» — просто расхожий для хрониста, как и в фольклоре, оборот речи — и не более того; в других случаях он ведь и обнаруживает знание политической истории Византийской империи, и не скупится на подробности, необходимые для того, чтобы придать ясность повествованию**.

Итак, мы вправе констатировать литературные влияния, сказавшиеся на историческом труде «маршала Романии и Шампани», в первую очередь влияние, главным образом формальное, рыцарского эпоса, вполне закономерное в той обстановке,

* Ibid. P. 12.

** Ibid. P. 8.

в которой жил и действовал министерял графов Шампанских. Из этого вовсе не следует, однако, что он был «эпическим историком», как полагала Дж. Бир, или, тем паче, «куртуазным писателем», каким склонна изображать его О. Смолицкая. Нередко попытки представить Жоффруа де Виллардуэна писателем эпического склада объективно апологетичны. В этом отношении примечательна, в частности, позиция К. Морриса, который как раз традициями рыцарского эпоса, наложившими некоторый отпечаток, сильно преувеличиваемый исследователем, на труд Жоффруа де Виллардуэна, объясняет все его недостатки*. Автор «Завоевания Константинополя», по Моррису, прежде всего рыцарь, ветеран Крестовых походов, его интерес сосредоточен почти целиком на батальной истории, на подвигах соратников; ко всему прочему, включая нравственную сторону их деяний, он якобы безразличен. И хотя хронист рисует реальную действительность, он тем не менее, полагает Моррис, писатель эпический, отсюда его упущения и всякого рода «неточности».

Ссылки на эпические традиции и гиперболизация их воздействия на автора записок «Завоевание Константинополя», который, по его собственным уверениям, рассказывал одну лишь правду и «ни разу ни единым словом не солгал с умыслом о том, что ему ведомо» (§ 120), призваны, таким образом, ретроспективно снискать «прощение» Жоффруа де Виллардуэну за допущенные им «промахи» и, как увидим, зачастую намеренные искажения, а тем самым в завуалированной форме призваны затушевать и наиболее неприглядные стороны Крестового похода, приведшего к завоеванию христианской Византии «воинами Христовыми», оправдать его в полном соответствии с тем, как это делает и сам хронист, о чем — далее.

Из сказанного явствует, что если даже и принимать во внимание известное воздействие эпических традиций на форму преподнесения событий в записках Жоффруа де Виллардуэна,

* *Morris C. Geoffroy de Villehardouin and the Conquest of Constantinople // History. 1968. Febr. Vol. 53. № 177. P. 24–34. См. нашу рец.: Вопросы истории. 1969. № 2. С. 199–200.*

а отвергать это воздействие не приходится, то все же нет никаких оснований подходить к оценке его произведения в целом только с такими, чисто литературными мерками, ибо хроника Жоффруа де Виллардуэна прежде всего исторический труд*. В той связи весьма существенно выяснить прежде всего, насколько привержен Жоффруа де Виллардуэн провиденциалистской доктрине, насквозь пронизывающей в XII–XIII вв. историографию Крестовых походов.

* *Larmat J.* Sur quelques aspects de la religion chretienne dans les chroniques de Villehardouin et de Clari//Le Moyen age. 1974. № 3–4. P. 427; ср.: Ibid. Note. Здесь приведено аналогичное мнение Ж.-Ш. Пайен (*Payen J. Ch.* Le Motif du repentir dans la Litterature francaise medievale (des origines a 1230). Geneve, 1968).

[ПРОПОВЕДЬ КРЕСТОВОГО ПОХОДА
(1198 — НОЯБРЬ 1199 г.)]

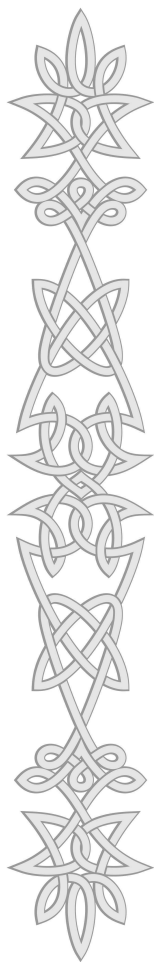

1

Знай­те, что в год тысяча сто девяно­сто седьмой от вопло­щения Гос­пода на­шего Иису­са Хри­ста¹, во время Инно­кентия, апо­столика Ри­ма², и Филиппа³, коро­ля Фран­ции, и Ричарда⁴, коро­ля Англии, был некий свя­той че­ло­век во Фран­ции⁵ по имени Фульк из Нейи (это Нейи на­хо­дится между Ланьи на Марне и Парижем); и он был свя­щен­ником и дер­жал при­ход от го­ро­да. И этот Фульк⁶, о ко­тором я вам гово­рю, начал про­пове­до­вать сло­во Бо­жье во Фран­ции и в дру­гих ок­рест­ных зем­лях; и знай­те, что наш Гос­подь творил че­рез него мно­гие чу­деса.

2

Знай­те, что сла­ва это­го свя­то­го че­ло­ве­ка рас­про­странилась столь да­леко, что до­шла до Инно­кентия, апо­столика Ри­ма; и апо­столик на­правил сво­их лю­дей во Фран­цию и по­ручил это­му бла­го­че­стви­мому⁷ мужу, что­бы он про­пове­до­вал крест его, апо­столика, во­лей⁸. И по­сле то­го он на­правил ту­да сво­е­го кар­динала мэтра Пьера де Шаппа⁹, при­няв­ше­го крест¹⁰; и по­ручил че­рез него да­вать та­кое от­пу­щение грехов крестоносцам, как я вам скажу: всем тем, кто воз­ьмет крест и прос­лужит Бо­гу в вой­ске один год, бу­дут про­щены все грехи, ко­торые они со-

деяли и в которых исповедались¹¹. Так как это отпущение было весьма великим, сердца людей сильно растрогались, и многие приняли крест, потому что отпущение было столь великим.

[ПРИНЯТИЕ ОБЕТА КРЕСТОВОГО ПОХОДА
(ОТ 28 НОЯБРЯ 1199 Г. ДО ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ 1200 Г.)]

3

На следующий год¹², после того как этот благочестивый муж Фульк проповедовал таким образом слово Божье, был турнир в Шампани, в некоем замке, называвшемся Экри¹³; и милостью Божьей случилось так, что Тибо¹⁴, граф Шампани и Бри, принял крест, равно как и Луи¹⁵, граф Блуаский и Шартрский. И произошло это в канун адвента¹⁶. Так вот знайте, что этот граф Тибо был молодым человеком не старше двадцати двух лет¹⁷; а графу Луи было не более двадцати семи лет. Оба эти графа были племянниками короля Франции¹⁸ и троюродными братьями¹⁹, а также, с другой стороны, племянниками короля Англии²⁰.

4

Вместе с этими двумя графами взяли крест два весьма знатных барона Франции — Симон де Монфор²¹ и Рено де Монмирай²². Великая слава прошла по всем землям, когда эти два знатных мужа взяли крест.

5

Во владениях графа Тибо Шампанского крест приняли Гарнье, епископ Труа²³, граф Готье де Бриенн²⁴, Жоффруа де Жуанвиль, который был сенешалом этой земли²⁵, Робер, его брат, Готье де Виньори, Готье де Монбельяр, Эсташ де Конфлан, Гюи дю Плесси, его брат, Анри д'Арзильер, Ожье де Сен-Шерон, Виллэн де Нюлли, Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский²⁶, Жоффруа, его племянник, Гийом де Нюлли, Готье де Фюлиньи, Эврар де Монтиньи, Манассье де л'Иль²⁷, Макэр

де Сент-Менеу²⁸, Милон ле Бребан²⁹, Гюи де Шапп, Кларембо, его племянник, Рено де Дампьер, Жан Фуанон и многие другие добрые люди, о которых книга нигде не упоминает³⁰.

6

С графом Луи крест взяли Эрве дю Шатель, Эрве, его сын, Жан де Вирсэн, Оливье де Рошфор, Анри де Монтрей, Пэйан Орлеанский³¹, Пьер де Брасье³², Гюг, его брат, Гийом де Сэн, Жан Фриэзский, Готье де Годонвилль, Гюг де Кермерэ, Жоффруа, его брат, Эрве де Бовуар, Робер де Фрувиль, Пьер, его брат, Орри де л'Иль, Робер дю Картье и многие другие, о которых книга не упоминает³³.

7

Во Франции³⁴ крест взяли Невелон, епископ Суассонский³⁵, Матье де Монморанси³⁶, Гюи, шателен де Кузи, его племянник, Робер де Ронсуа, Ферри д'Иерр, Жан, его брат, Готье де Сен-Дени, Анри, его брат, Гийом д'Онуа, Робер Мовуазэн, Дрюэ де Крессонсак, Бернар де Морей, Ангерран де Бов, Робер, его брат³⁷, и многие другие добрые рыцари³⁸, о которых книга здесь умалчивает.

Тибо Шампанский

8

С наступлением следующего Великого поста, в день, когда посыпают на голову пепел³⁹, в Брюгге крест взяли Бодуэн⁴⁰, граф Фландрии и Эно, и графиня Мария, его супруга, которая приходилась сестрой графу Тибо Шампанскому. Затем крест взяли Анри, его брат⁴¹, Тьерри, его племянник, который был сыном графа Филиппа Фландрского⁴², Гийом Бетюнский, поверенный⁴³, Конон, его брат⁴⁴, Жан Нельский, шателен Брюгге⁴⁵, Ренье Тритский⁴⁶, Ренье, его сын, Матье де Валинкур⁴⁷, Жак д'Авень⁴⁸, Бодуэн де Бовуар⁴⁹, Гюг де Бомэц, Жерар де Маншикур, Эд де Ам, Гийом де Гоменьи, Дрюэ де Борэн, Роже де Марк, Эсташ де Собрюик, Франсуа де Колеми, Готье де Бузи, Ренье де Моне, Готье де Томб, Бернар де Субренжъен и многие добрые рыцари, о которых книга не говорит.

9

Затем взял крест граф Гюг де Сен-Поль⁵⁰. С ним приняли крест Пьер Амьенский, его племянник⁵¹, Эсташ де Кантелэ, Николя де Майи, Ансо де Кайо, Гюи де Удэн, Готье Нельский, Пьер, его брат, и многие другие люди, коих мы не знаем⁵².

10

А уж потом взяли крест граф Жоффруа Першский⁵³, Этъен, его брат, Ротру де Монфор, Ив де ла Жай, Эмери де Вильруа, Жоффруа де Бомон и многие другие, чьих имен я не ведаю.

11

Затем бароны держали совет в Суассоне⁵⁴, чтобы определить, когда они хотели бы двинуться в путь и куда хотели бы отправиться. Они не смогли в тот раз достигнуть согласия, потому что им казалось, что у них нет еще достаточного числа людей, принявших крест. Не прошло и двух месяцев в том же году, как они собрались на совет в Компьене⁵⁵. Там были все графы и бароны, которые приняли крест. Здесь сказаны, выслушаны и поданы были разные советы; но окончательное

решение было таково, чтобы направить лучших послов, каких только могли бы сыскать, и предоставить им все полномочия предпринимать любые действия как сюзеренам.

[ПЕРЕГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЕ С ВЕНЕЦИЕЙ
О ПЕРЕВОЗЕ «ЗА МОРЕ». СБОРЫ В ПОХОД
(1200 — май 1202 г.)]

Жоффруа де Виллардуэн

12

Из этих послов двух послал Тибо, граф Шампани и Бри; и Бодуэн, граф Фландрии и Эно, двух; и Луи, граф Блуаский, двух. Послами графа Тибо были Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский⁵⁶, и Милон ле Бребан; а послами графа Бодуэна были Конон Бетюнский и Алар Макеро; и послами графа Луи — Жан Фриезский и Готье де Годонвиль⁵⁷.

13

Этим шестерым они полностью поручили заботу о своем деле, выдав им добрые всяческие грамоты⁵⁸, которые удостоверяли, что они твердо выполняют те условия, которые заключат эти шестеро в каких-либо морских портах, в любом месте, куда ни явятся.

14

Шесть послов отправились, как вы слышали, и держали совет между собой, и пришли к согласию друг с другом в том, что в Венеции они смогут найти гораздо большее количество

судов, чем в каком-либо другом порту⁵⁹. И они пустились в дорогу и ехали от одного места до другого⁶⁰, пока в первую неделю Великого поста⁶¹ не прибыли.

15

Дожд Венеции⁶², которого звали Энрико Дандоло и который был человеком весьма мудрым и доблестным⁶³, принял их с большим почетом — и сам он, и другие люди; и все встретили их очень хорошо. И когда они предъявили грамоты своих сеньоров, венецианцам было очень любопытно узнать, для какого дела они прибыли в их землю. То были верительные грамоты, и графы писали, чтобы их послам верили бы, словно лично им самим, и что они, графы, примут все условия, что эти шестеро учинят.

Четвёртый Крестовый поход

16

И дож ответил им: «Господа, я ознакомился с вашими грамотами. Мы удостоверились в том, что сеньоры ваши являются самыми знатными лицами из тех, кто не носит короны⁶⁴. И они просят нас доверять вам во всем, что бы вы нам ни сказали, и считать прочным все, что вы учините⁶⁵. Говорите же, что вам угодно».

17

И послы ответили: «Государь, мы желаем, чтобы вы созвали свой совет⁶⁶, и перед вашим советом мы скажем вам, о чем просят вас наши сеньоры, завтра, коли вам угодно»⁶⁷. И дож ответил им, что он просит у них отсрочки до четвертого дня, и что тогда он соберет свой совет, и что они смогут сказать, чего хотят.

18

Они переждали до четвертого дня, который он им установил. Они вошли во дворец, который был весьма богат и прекрасен⁶⁸, и нашли дожа и его совет собравшимися в особом покое и изложили данное им поручение таким образом: «Государь, мы прибыли к тебе от знатных баронов Франции, которые приняли крест, чтобы отомстить за поругание, учиненное над Иисусом Христом, и отвоевать Иерусалим, если соблаговолит то Бог. И поелику они знают, что никакой другой народ не имеет столь великого могущества, как вы и ваш народ, чтобы оказать им содействие, то они просят вас, во имя Бога, чтобы вы сжалились над Заморской землею⁶⁹ и отомстили за поругание над Иисусом Христом и чтобы вы решили, как они смогли бы получить у вас суда и корабли для перевоза»⁷⁰.

19

«А на каких условиях?» — спросил дож. «На любых условиях, — сказали послы, — какие бы вы им ни предложили или ни присоветовали, лишь бы они могли их исполнить». — «Разуме-

ется, — сказал дож, — дело, которое они у нас просят, — великое дело, и кажется, что они замыслили важное предприятие. И мы дадим вам ответ через восемь дней от сегодняшнего дня. А вы не удивляйтесь, если срок так долог, ибо надобно как следует обдумать столь великое дело».

20

В срок, который дож им назначил, они вернулись во дворец. Я не мог бы передать вам все слова и речи, которые были там сказаны и произнесены. Однако конец говоренного был таков: «Сеньоры, — сказал дож, — мы сообщим вам решение, которое мы приняли, коль скоро сумеем склонить наш великий совет⁷¹ и весь народ земли нашей одобрить его; а вы посоветуйтесь друг с другом, сможете ли согласиться на то, чтобы принять наши условия.

21

Мы поставим юиссье⁷², могущие перевезти 4500 коней и девять тысяч оруженосцев, и нефы⁷³ для перевоза 4500 рыцарей и двадцати тысяч пеших ратников. И условие для всех этих коней и этих людей будет такое, что они получают прокорм и провиант на девять месяцев. Вот что мы сделаем по самой низкой цене, а именно на том условии, что нам заплатят за каждого коня четыре марки и за каждого человека две марки⁷⁴.

22

И все эти условия, которые мы вам разъясняем, мы исполним в течение одного года, считая со дня, когда мы отплывем из гавани Венеции, чтобы послужить Богу и всему христианскому миру в каком бы то ни было месте. Общая сумма этого расхода, который только что назван, составляет 94 тыс. марок.

23

А сверх того мы сделаем вот что: мы поставим от себя пятьдесят вооруженных галер⁷⁵ из любви к Богу⁷⁶ на условии, что до тех пор, пока наш союз будет сохраняться, от всех завоеваний,

которые мы произведем на море или на суше, будь то земли или имущество, половину получим мы, а другую — вы. Теперь посоветуйтесь, сможете ли вы это выполнить и принять».

24

Послы вышли; и они сказали, что переговоят об этом между собой и ответят им завтра. Они совещались друг с другом и проговорили всю эту ночь и, наконец, пришли к согласию принять предлагаемые условия; и на следующий день они пришли к дожу и сказали: «Государь, мы согласны заключить этот договор». А дож сказал, что он переговорит об этом со своими людьми и, к чему придет, даст им о том знать.

25

На следующий, третий день⁷⁷ дож, который был мужем мудрым и доблестным, созвал свой великий совет; а совет состоял из сорока мужей, мудрейших в стране. Своим ясным умом и здравым смыслом, который был у него весьма хорош, он склонил их одобрить и пожелать выполнить его предложение.

Сначала он склонил их, потом сто, потом двести человек, потом тысячу, пока все не согласилось и не одобрили⁷⁸. Наконец, он созвал по крайней мере десять тысяч в церкви Св. Марка⁷⁹, красивейшей из всех, какие только есть на свете; и он им сказал, чтобы они выслушали обедню Святого Духа и молили бы Бога вразумить их насчет просьбы, с которой обратились к ним послы. И все весьма охотно это исполнили.

26

Когда обедня была проговорена, дож позвал послов, чтобы они смиренно просили весь народ согласиться на утверждение этого договора. Послы явились в храм⁸⁰. Их с любопытством разглядывало множество людей, которые их никогда не видели.

27

Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани⁸¹, с согласия и по воле других послов взял слово и сказал им: «Сеньоры, самые знатные и самые могущественные бароны Франции послали нас к вам; они заклинают вас о милости, чтобы вы сжалились над Иерусалимом, который находится в порабощении у турок⁸², и, Бога ради, согласились сопутствовать им и помочь им отомстить за поругание Иисуса Христа. Выбрали же они вас, ибо знают, что ни один народ не имеет такого могущества на море, как вы и ваш народ. И они повелели припасть к вашим стопам и не подниматься, покуда вы не согласитесь сжалиться над Святой землей за морем»⁸³.

28

Тогда шестеро послов склонились на колени пред ними, проливая обильные слезы, и дож, и все другие всхлипывали, плача от жалости, и восклицали в один голос, воздевая высоко руки⁸⁴, и говорили: «Мы согласны, мы согласны!». И затем поднялся столь великий шум и крик, что казалось, разверзается земля.

29

И когда этот великий шум улегся и улеглась эта великая жалость, столь сильная, что подобной никто никогда не видел, добрый дож Венеции, который был человеком весьма мудрым и доблестным, взошел на амвон⁸⁵ и, обратившись к народу, сказал ему так: «Сеньоры, посмотрите, какую честь оказал вам Бог; ведь лучшие люди на свете оставили без внимания все другие народы и ищут вашей поддержки, чтобы совершить вместе с вами столь великое дело, как освобождение нашего Господа!»⁸⁶

30

Слова, которые сказал дож, были столь хороши и прекрасны, что я не могу все их вам передать. Конец же дела был таков, что определили изготовить на следующий день грамоты, и

